

SARINA
BOWEN

THE
YEAR
WE HID
AWAY

САРИНА
БОУЭН

ГОД
НАШИХ
ТАЙН

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б72

Sarina Bowen
THE YEAR WE HID AWAY

Copyright © 2014 by Sarina Bowen
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Ольги Бараш*

Художественное оформление *Елены Окольциной*

Боуэн, Сарина.

Б72 Год наших тайн / Сарина Боуэн ; [пер. с англ.
О. Бараш]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104953-9

Красавчик Бриджер был звездой хоккейной команды Харкнесса и известным сердцеедом, пока семейная трагедия не изменила всю его жизнь. Теперь его день расписан по минутам: учеба, несколько подработок и забота о младшей сестренке, которую он вынужден прятать в своей комнате в общежитии.

Так продолжалось до тех пор, пока в его мир не ворвалась Скарлетт — красивая, умная, загадочная. И Бриджер понял, что пропал. Однако ему очевидно, что у Скарлетт есть тайна. И он сделает все, чтобы разгадать ее и спасти девушку, которую любит больше жизни.

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© О. Бараш, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104953-9

Часть 1

Как ни прикрывай знак, а рана в сердце останется навек¹.

*Натаниэль Готорн,
«Алая буква»*

Глава 1

РАБОТА ВРАТАРЯ

Скарлетт

Едва заслышав гудение пульта, открывающего дверь гаража, я принялась за дело.

Можно было не выглядывать в окно, чтобы проверить, действительно ли уезжают родители. Когда у края вашего газона торчат три телевизионных фургона, вы не станете открывать эту дверь от нечего делать. За последний год журналисты всевозможных новостных компаний тысячи раз фотографировали наш гараж изнутри. Вдруг для новостей пригодится.

Нет, размышлять не время.

К моменту, когда я услышала, как машина родителей выехала на улицу и набирает скорость, я успела распаковать шкаф. Достала две спортивные сумки, уже упакованные, и коробку с книгами. По очереди перетаскала вещи вниз, в прихожую.

Затем, снова поднявшись, вынула из ящика стола прощальную записку и пристроила ее на середине кровати.

¹ Пер. Э. Линецкой.

«Мама, папа, я перепутала время заезда. Оказывается, он начинается в три. Так что я уже еду. Позвоню вечером. Люблю вас. Ш.»

В короткой записке было столько полуправды, что даже не смешно. Но здесь, в «Каса Эллисон», все так и делалось. При надобности мы искажали правду. Так было всю мою жизнь, хотя мне и потребовалось семнадцать лет, чтобы понять, как далеко зашел обман.

Последним я отнесла вниз Джордана — так зовут мою гитару. Я никуда бы не поехала без нее.

Потом снова сбегала наверх, в последний раз заскочила в свою комнату. Сантименты тут ни при чем. Хотя комната, конечно, замечательная. Просторная, с красивой кленовой мебелью, — за последний год она стала для меня тюремной камерой.

Последняя задача: затолкать мое хоккейное снаряжение в гардеробную. Коньки, вратарскую клюшку, щитки. Я попрыгала все в надежде, что мама не сразу их найдет. Решения, которые я принимала в эти последние недели, уже не раз доводили маму до истерики. Чем дальше я смогу оттянуть скандал из-за того, что бросила хоккей, тем лучше.

Закрыв дверь гардеробной, я подошла к окну и посмотрела между планок жалюзи. На газоне толкались три типа с камерами. Это противозаконно. Нельзя заходить в частные владения. Но копы в нашем городе плевать хотели на правила. Во всяком случае, когда речь шла о нашей семье. Если бы наш дом загорелся, я не уверена даже, что они удосужились бы его потушить.

Журналюги на газоне, наверное, болтали о спорте, или о погоде, или о чем они там говорят, когда нечего снимать. Один из них мусолил в руках колоду карт, вероятно, они сейчас рассядутся посреди газона на своих складных стульях и начнут резаться в покер.

Вот и чудненько.

В последний раз сбежав вниз, я распахнула дверь в гараж. Папин телохранитель, как всегда, закрыл ее перед тем, как уехать. Хоть какой-то толк от этого кошмарного типа. Родители называли его «наш шофер», но это было очередное иносказание. Никто не хотел вспоминать, зачем он нужен на самом деле.

Но человек, которого обвиняют в многократном насилии над детьми, чувствует себя безопаснее, если выходит из дому в сопровождении бывшего военного снайпера.

Как можно быстрее я запихала вещи в машину и постаралась закрыть дверь как можно тише. Села за руль, мысленно пересчитала свои пожитки. Сумочка с новенькими водительскими правами. Сумки с вещами. Джордан.

Но никаких хоккейных причиндалов.

Все правильно.

Я завела мотор и одновременно нажала на пульт, открывающий дверь гаража. Меня учили, что трогаться с места, не разогрев двигатель, — преступление. Но ситуация была безвыходной. Навороченный немецкий двигатель должен на этот раз меня простить, ведь мне необходимо застать их врасплох.

Как только мой спортивный джип смог пролезть в еще поднимающуюся дверь, я рванула по подъезд-

ной дорожке. Жаль, что фургоны телевизионщиков заслоняли от меня улицу. Так что пришлось приостановиться и убедиться, что горизонт чист.

Фотографы оторвались от карт, вид у них был нерешительный. Они только что видели папину отъезжающую машину и сфотографировали ее — вдруг он попадет в новости, а у них будет фото.

Но я-то для новостей не пригожусь, особенно в выходной по случаю Дня труда. Тем более когда я одна.

Я торопливо оглянулась — никто не схватился за камеру.

Удалось!

Я осторожно выехала задним ходом — столкновение с телевизионным фургоном не входило в план моего побега — и медленно поехала по родной улице. Позади оставались дома нашего чистенького университетского городка в Нью-Гемпшире, а мое сердце бешено колотилось.

Наконец-то удрала. Целый год я ждала этой минуты. Уехав тайком, я избежала спектакля «Наша образцовая дочь едет в колледж», который мама, проливая слезы, разыграла бы перед телекамерами. Мне надоело быть статисткой в постановочных фотосессиях для VIP-персон.

К тому же, смывшись потихоньку, я отвертелась от прощания с папой. Даже до скандала наши отношения не были легкими. Мне он всегда казался суровым отцом из прошлого века, у него никогда не было для меня времени, если только я не стояла на коньках (в этом случае время у него находилось, но он оставался суровым).

Наши отношения и раньше были прохладными, но теперь превратились в антарктический лед. Прежде трудоголик, теперь он проводил все свое время в шезлонге, в кабинете, ставшем его убежищем. Я перестала заходить в эту комнату, где, казалось, воздух сгустился от гнева и молчания. Хотя иногда украдкой поглядывала на него. И пыталась угадать, действительно ли он делал все, в чем его обвиняли. И если да, то почему.

И как я могла так долго жить с ним под одной крышей, ни о чем не догадываясь.

В моей душе роилась куча неприятных вопросов. Но даже если бы я задала их вслух, вряд ли от кого-нибудь в этом семействе стоило ожидать правдивого ответа.

Набрав скорость, я окольными дорогами выехала на шоссе 91. Шеннон Эллисон оставляла в зеркале заднего обзора городок Стерлинг в Нью-Гемпшире. Но через девяносто минут в городке Харкнессе, штат Коннектикут, из машины выйдет Скарлетт Кроули.

«Скарлетт Кроули», — прошептала я про себя. Нужно будет научиться отзываться на новое имя. Наверное, это будет странное ощущение. Но если подумать, и вполнину не так странно, как жить без хоккея.

Я начала играть в пять лет. Четырнадцать лет хоккей был моей жизнью. В одиннадцать я стала вратарем и проводила столько времени в воротах, что мне даже снилось, как я парирую броски.

Задача вратаря не только бросаться за шайбой. Необходимо видеть все поле целиком, смотреть, как

разворачивается драма, прежде чем шайба полетит к воротам. Я научилась понимать, у кого сейчас шайба, по одному только положению плеч. Я изучала своих соперниц, предугадывая, кто сделает передачу, а кто — бросок. Я смотрела на поле, как шахматист на доску, — просчитывая несколько ходов вперед, готовясь к любым возможным результатам.

Наша школа выиграла три последних первенства штата. Подряд.

В семейной гостиной был выставлен целый ряд трофеев, подтверждающих мои вратарские достоинства.

И еще год назад я считала, что трофеи полностью заслужены.

Но, оказывается, я далеко не такая молодчина, как мне казалось.

Задача вратаря — предвидеть слабости защиты. Но в собственной жизни мне этого не удалось. Когда в нашу жизнь начали просачиваться гнусные истории об отце, это застало меня врасплох. Целиком и полностью. Как мощный удар в грудь, вся эта мерзость больно врезалась в меня, повалила на спину и лишила дыхания.

Теперь с прежней жизнью покончено. У меня был год, чтобы свыкнуться с этой мыслью, так что я давно излечилась от шока и возмущения. Оставался только «План Б». Не лучший вариант, но единственно возможный.

Два часа спустя я стояла на дорожке, выложенной каменной плиткой, в красивом дворе. Хотя мне было не до восхищения готической архитектурой и идеально подстриженными лужайками: сердце, казалось, сейчас пробьет дырку в груди.

Наверное, сегодня все первокурсники волнуются. Может быть, мои одноклассники боятся заблудиться или робеют перед встречей с соседями по комнате. Но меня-то больше всего пугало совсем другое. Вписала ли регистратура нужное имя в мои документы? А если нет, что мне делать?

Подошла моя очередь, и я, помалкивая и волнуясь, ждала, пока жизнерадостная старшекурсница перелистывала список студентов. Просматривая его, она тихонько повторяла мое новоиспеченное имя: «Скарлетт Кроули, Скарлетт Кроули, Скарлетт Кроули».

Я почувствовала, что взмокла.

Просмотрев середину списка, где должна была стоять моя фамилия, она заглянула на последнюю страницу. «Изменения и добавления», значилось там.

— А, вот ты где, — просияла она и протянула мне бумажку на получение студенческого билета. — Тебя потеряли, а потом нашли.

Я надеялась, что это именно так.

Получив новенькую глянцевою студенческую карточку-удостоверение, украшенную таким же новеньким именем, я отыскала дорогу в Вандерберг-Холл, вход А. Замок приятно щелкнул, когда я провела картой перед считывателем. Я сгребла сумки и поднялась по старой мраморной лестнице на два пролета, на третий этаж. На каждом этаже было по две комнаты, а между ними дверь, обозначенная как ванная. Испробовать ключ мне не пришлось — дверь комнаты номер 31 была открыта. Я сунулась внутрь и увидела двух девушек, склонившихся над противоположными краями яркого красного коврика.

— Привет, — произнесла я.

Две головы поднялись одновременно. Следующую минуту они беззастенчиво меня разглядывали. У одной из девиц были роскошные светлые волосы, у другой темные, собранные в задорный конский хвост.

— Привет! Я Кэти! — хором сказали они.

Да, имена запомнить будет нетрудно. Это уже неплохо.

— А я Скарлетт, — ответила я, вкатывая в комнату гигантскую спортивную сумку.

Но Кэти-Конский-Хвост с подозрением склонила голову набок:

— Нашу третью вроде бы должны были звать Шеннон?

— Произошли изменения, — сказала я. — Шеннон не приедет.

Конечно, ведь я оставила ее дома.

— А-а! — сказала Кэти-Блондинка. — А ты откуда, Скарлетт?

— Из Майами-Бич, — ответила я.

Контроль времени: я в комнате тридцать секунд и уже соврала два или три раза, смотря как считать. И каждая ложь размером с дом...

В три приема я перенесла в комнату багаж. Кэти не вызвались помочь. Вместо этого они украшали доски над своими кроватями фотографиями из дома и пытались решить, на какие тусовки, организованные для первокурсников, стоит идти.

Но я была слишком счастлива, чтобы обижаться на их безразличие. Комната находилась в роскошном старом величественном здании в форме буквы

У. Нас с двумя Кэти поселили в трехместном блоке с крошечной спальней для Кэти-Конский-Хвост и второй комнатой побольше — для меня и Кэти-Блондинки. К тому же здесь имелась общая гостиная с деревянными панелями и кушеткой у окна, выходящего во двор.

Вообще-то это было довольно круто.

— Нам срочно нужен диван, — заметила Кэти-Беленькая. — Там во дворе продают подержанные.

— Отлично, я в доле, — согласилась я, чувствуя, что мой энтузиазм едва ли уместен. Но, проведя год в одиночестве, без друзей, я хотела одного: быть с девочками. Мне от них ничего особенного не требовалось. Я не стремилась быть популярной или выдающейся. Просто стать одной из них.

Даже если для этого мне придется все время врать.

— Посмотрим по пути в столовую, — предложила Кэти-Блондинка.

— Отлично, — вновь согласилась я.

Час спустя вместе с обеими Кэти мы вышли из общежития и направились к Тернер-хаус. В Харкнесе студенты были распределены по двенадцати домам. Как в Хогвартсе, только без Распределяющей Шляпы. Все первокурсники, живущие в нашем крыле Вандерберга, — члены Тернер-хауса, но жить в здании Тернера мы будем только со следующего года. А пока мы живем с остальными новичками во Дворе первокурсников.

Проведя карточкой перед воротами Тернера, я снова услышала приятный для меня щелчок. Мне трудно было сдержать ликование, когда Кэти-Кон-